

РИМ И НЕАПОЛЬ ДОСТОЕВСКОГО

Тема «Достоевский и Италия» обширна и разнообразна. Она включает в себя, прежде всего, следующие направления исследования: Достоевский в Италии, образы и мотивы Италии в творчестве Достоевского, проблемы итальянской истории, культуры и современной жизни в философских и публицистических размышлениях писателя.

Специальное обращение к этой теме показало, что все эти три направления исследования связаны в текстах Достоевского в первую очередь с двумя городами — с Римом и Неаполем. Это определило проблематику данной работы.

Достоевский выезжал за границу, в Западную Европу, 8 раз, прожив в ней, в общей сложности, около 6 лет. Первые две поездки — 1862 и 1863 гг. — были вполне традиционными, туристическими. Именно в это время Достоевский впервые знакомится с Италией.¹

«За границей я не был ни разу <...>. Вырвался я наконец за границу сорока лет от роду, и, уж разумеется, мне хотелось не только как можно более осмотреть, но даже все осмотреть, непременно все, несмотря на срок» (5; 46), — отмечает Достоевский в «Зимних заметках о летних впечатлениях», написанных в 1863 г. на материале его первого заграничного путешествия 1862 г.

В письме из Парижа от 28 июня / 8 июля 1862 г., адресованном Н.Н.Страхову, Достоевский следующим образом представляет свое первое путешествие по Италии: «Что-то будет дальше, как спущусь с Альпов на равнины Италии. Ах, кабы нам вместе: увидим Неаполь, пройдемся по Риму, чего доброго приласкаем молодую венецианку в гондоле (А? Николай Николаевич?) Но... „Ничего, ничего, молчанье!“ как говорит, в этом же самом случае, Поприщин» (28₂; 28). Как видим, Италия в этом общем, пока самом первом и предварительном представлении Достоевского, — это в первую очередь Неаполь и Рим. Третий город, Венеция, возникает в письме Достоевского не столько как город собственно, сколько как некое ожидание возможных в Италии любовных приключений: «...приласкаем молодую венецианку в гондоле». Наконец, обращение к теме Италии оказалось теснейшим образом связано с актуализацией гоголевской традиции, которая явлена здесь предельно отчетливо — прямой цитатой и именованием героя. Итак, Италия в самых первых ожиданиях и предвкушениях Достоевского — это страна Неаполя, Рима, любви и Гоголя.

¹ См.: Брусовани М.И., Гальперина Р.Г. Заграничные путешествия Ф.М.Достоевского 1862 и 1863 гг. // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1988. Т. 8. С. 272-292.

Несмотря на заявленные в этом письме планы, Достоевский во время первой поездки по Италии Неаполь и Рим, по каким-то причинам, не увидит. Известно, что Достоевский в 1862 г. провел в Италии около двух недель и посетил Турин, Геную, Флоренцию, Венецию, Милан, Верону.²

Сохранилось не очень много документальных свидетельств об этом первом итальянском путешествии Достоевского. Фактически, единственным подробным повествованием писателя о его первом заграничном путешествии стали уже названные выше «Зимние заметки о летних впечатлениях». В этом серьезном философском и публицистическом произведении писателя, посвященном историческим судьбам Европы и России, специфике современной европейской культуры и цивилизации, в центре внимания — Германия, Франция, Англия.

Италия, на первый взгляд, упоминается мало и редко. Представлена она, прежде всего, простым перечислением городов, которые посетил Достоевский: «Я был в <...> Генуе, во Флоренции, в Милане, в Венеции» (5; 46). Однако кроме этого перечисления итальянских городов в «Зимних заметках...» содержатся два более развернутых фрагмента текста, связанных с Италией. Причем оба эти специальные «итальянские» фрагменты имеют самое непосредственное отношение именно к тем двум городам Италии, которые Достоевский планировал посетить, — к Риму и Неаполю.

В своих «Зимних заметках...» Достоевский пишет о Риме, обращаясь к нему в очень характерном контексте. Писатель с сожалением размышляет о том, что ему не удалось увидеть во время своего первого путешествия по Европе: «Ведь я теперь, сидя дома, об чем тоскую наиболее, вспоминая о моих летних странствованиях? Не о том, что я ничего не разглядел в подробности, а о том, что вот почти везде побывал, а в Риме, например, так и не был. А в Риме я, может быть, пропустил папу...» (5; 47). Так Рим входит в «Зимние заметки...» как город, в котором писатель не побывал и о котором теперь, «сидя дома», «тоскует».

Этот небольшой текст о Риме демонстрирует ту ключевую философскую, точнее говоря, религиозно-философскую проблематику, которая навсегда будет у Достоевского связана со столицей Италии, — проблему католицизма: «А в Риме я, может быть, пропустил папу...» Отношение Достоевского к католицизму — очень значительная, глубокая и неоднозначная проблема, которая до сих пор вызывает серьезную полемику.³ Достоевский как религиозный мыслитель много размышлял об истории христианской церкви, о католицизме и православии. Кульминацией этой проблематики в творчестве писателя станет известная поэма о Великом инквизиторе в романе «Братья Карамазовы», монолог Великого инквизитора, обращенный к Христу: «Мы давно уже не с Тобою, а с *ним*» (14; 234). С «ним» — с тем «страшным и умным духом, духом самоуничтожения и небытия» (14; 229), который искушал Христа в пустыне, то есть с дьяво-

² См.: Брусовани М. И., Гальперина Р. Г. Заграничные путешествия Ф. М. Достоевского... С. 283-286; также см.: Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993. Т. 1. С. 374-375.

³ См., например: *Dirscherl, Denis. Dostoevsky and the Catholic Church.* Chicago, 1986; *Тарасов Б. Н. Две Европы Достоевского // Литературная учеба.* 1994. № 6. С. 123-147.

лом. Современная церковь — церковь не Христа, но дьявола, утверждает Иван Карамазов. Алеша «вдруг заговорил, точно сорвался с места.

— Но... это нелепость! — вскричал он. <...> То ли понятие в православии... Это Рим, да и Рим не весь, это неправда — это худшие из католичества, инквизиторы, иезуиты!..» (14; 237).

Так в последующем творчестве Достоевского развернется этот текст о Риме из «Зимних заметок...»: «А в Риме я, может быть, пропустил папу...»

Во втором «итальянском» фрагменте «Зимних заметок» упоминается Неаполь.

Как уже было отмечено выше, в своих размышлениях о современной Европе Достоевский опирается, в основном, на изображение Германии, Франции и Англии. Обращение к Франции при этом носит очень специфический характер: это развернутая и крайне жесткая критика европейского «буржуа», наиболее ярким воплощением которого, по мысли писателя, является буржуа французский (шестая глава «Зимних заметок...», названная писателем «Опыт о буржуа», связана с Парижем).

Именно в данном контексте возникает второй «итальянский» фрагмент, и, следует сразу же сказать, возникает по принципу резкого контраста:

«Сидел я раз за одним табльдотом — это уж было не во Франции, а в Италии, но за табльдотом было много французов. Толковали о Гарибальди. <...> Разумеется, говорили загадочно; иные молчали и не хотели совсем высказываться; другие качали головами. <...> Мало-помалу перешли собственно к личности Гарибальди. Стали перечислять его качества — приговор был довольно благоприятный для итальянского героя.

— Нет, я одному только в нем удивляюсь, — громко проговорил один француз, приятной и внушительной наружности, лет тридцати и с отпечатком на лице того необыкновенного благородства, которое до нахальства бросается вам в глаза во всех французах. — Одно только обстоятельство меня в нем наиболее удивляет!

Разумеется, все с любопытством обратились к оратору.

Новое качество, открытое в Гарибальди, долженствовало быть для всех интересным.

— В шестидесятом году, некоторое время, в Неаполе, он пользовался неограниченной и самую бесконтрольной властью. В руках у него была сумма в двадцать миллионов казенных денег! В этой сумме он никому не давал отчета! Он мог взять и утаить сколько угодно из этой суммы, и никто бы с него не спросил! Он не утаил ничего и сдал правительству все счетом до последнего су. Это почти невероятно!!

Даже глаза его разгорелись, когда он говорил о двадцати миллионах франков.

Про Гарибальди, конечно, можно рассказывать все, что угодно. Но сопоставить имя Гарибальди с хаптурками из казенного мешка — это, разумеется, мог сделать только француз» (5; 83-84).

Так Неаполь в этом втором «итальянском» фрагменте «Зимних заметок...» оказывается связанным с великой исторической личностью Италии — с Гарибальди, яркий, чистый, героический образ которого Достоевский

принципиально противопоставляет корыстному и вульгарному французскому буржуа.

Первое посещение Рима и Неаполя состоялось в следующем 1863 г., во время второго заграничного путешествия Достоевского. Из письма И. С. Тургеневу от 6 / 18 октября 1863 г.: «Рим и Неаполь сильно меня поразили. Я первый раз там был» (28₂; 54). В этом году писатель побывал во многих городах Европы, но называет он только два особенно его «поразивших» города — Рим и Неаполь. Данное письмо Тургеневу заставляет вспомнить приведенное выше письмо Страхову 1862 г., в котором Достоевский еще только планировал свое первое посещение Италии. Создается такое впечатление, что Рим и Неаполь в сознании русского писателя существуют в некой внутренней связи между собой: «...увидим Неаполь, пройдемся по Риму», «Рим и Неаполь сильно меня поразили».

Как видим, ожидания Достоевского прошлого года, относящиеся к этим двум городам, в 1863 г. вполне оправдались: «сильно меня поразили». Чем же «поразили» Достоевского эти два города? Свои впечатления о Риме писатель передает в одном из писем, описание Неаполя войдет в роман «Идиот».

Находясь в Риме, Достоевский напишет два письма; адресатом первого был все тот же Н. Н. Страхов, адресат второго письма — П. А. Исаев; оба письма датированы одним днем, 8 / 30 сентября 1863 г.

Из письма Н. Н. Страхову: «Боже мой! Да разве это можно описывать в письмах? Приехал третьего дня ночью. Вчера утром осматривал Св<ятого> Петра. Впечатление сильное, Николай Николаевич, с холодом по спине. Сегодня осматривал Фогим и все его развалины. Затем *Колизей!* Ну что ж я Вам скажу...» (28₂; 52).

Известно, что Достоевский всегда очень иронично относился к людям, которые за границей ведут себя как обычные туристы: «Все они ходят с гидами и жадно бросаются в каждом городе смотреть редкости и, право, точно по обязанности, точно службу продолжают отечественную» (5; 63). Здесь же, в описании своего первого впечатления от Рима, Достоевский предстает именно таким туристом, который осматривает знаменитые римские достопримечательности; Рим и его заставил стать обычным восторженным туристом. «Тут много развлечения, есть что видеть и осматривать», — пишет Достоевский из Рима в письме и к Паше Исаеву (28₂; 49).

И в то же время Достоевский, осматривающий в Риме великие памятники архитектуры, не был простым, неискушенным зрителем. Следует напомнить о том, что Достоевский по образованию — военный инженер. В 1830-1840-х годах он прошел полный курс обучения в Главном инженерном училище Санкт-Петербурга — одном из лучших высших учебных заведений России того времени.⁴ Из стен Главного инженерного училища

⁴ См. об этом: Якубович И. Д. Достоевский в Главном инженерном училище (Материалы к летописи жизни и творчества писателя) // Достоевский: Материалы и исследования. Л., 1983. Т. 5. С. 179-186; Новикова Е. Г. Инженерное образование и миромоделирование Ф. М. Достоевского // III Международная научно-практическая конференция «Прикладная филология и инженерное образование». Рабочие материалы. Изд-во ТомГУ, Томск. 2005. С. 123-124.

Достоевский вышел в звании «полевой инженер-поручик», и его первой государственной службой стала работа чертежником в санкт-петербургской Инженерной команде.

В учебных планах Главного инженерного училища значительное место было отведено архитектуре, и Достоевский изучал ее на протяжении нескольких семестров. Обучение архитектуре в то время базировалось на изучении великих архитектурных памятников, это была, прежде всего, история мировой архитектуры. Очевидно, что римские памятники занимали здесь свое достойное место. Учился будущий писатель добросовестно и серьезно, поэтому, впервые оказавшись в Риме, он осматривает собор св. Петра, Форум, Колизей как инженер, уже хорошо знакомый с ними, предварительно их изучивший.

Итак, Рим Достоевского — это прежде всего великие памятники архитектуры: Собор св. Петра, Форум, Колизей.

Воспоминание о Неаполе включено Достоевским в роман «Идиот». Князь Мышкин рассказывает в доме Епанчиных о том состоянии, которое владело им за границей, в Швейцарии, о своих переживаниях и мечтах: «Вот тут-то, бывало, и зовет все куда-то, и мне все казалось, что если пойти все прямо, идти долго-долго и зайти вот за эту линию, за ту самую, где небо с землей встречается, то там вся и разгадка, и тотчас же новую жизнь увидишь, в тысячу раз сильнее и шумней, чем у нас; такой большой город мне все мечтался, как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь... Да мало ли что мечталось! А потом мне показалось, что и в тюрьме можно огромную жизнь найти» (8; 51).

Неаполь — это город яркой, шумной жизни: «в нем все дворцы, шум, гром, жизнь...» Напомним, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях» с Неаполем был связан образ Гарибальди, этого яркого национального итальянского героя. Если Рим для Достоевского, в первую очередь, город великой архитектуры, то Неаполь — это город, выразивший живой современный итальянский характер и стиль жизни.

Свое личное впечатление о Неаполе Достоевский использует тогда, когда его герой князь Мышкин пытается описать «новую жизнь», мир, который человек мечтает найти за горизонтом: «зайти вот за эту линию, <...> где небо с землей встречается <...> и тотчас же новую жизнь увидишь <...> такой большой город <...> как Неаполь, в нем все дворцы, шум, гром, жизнь». Так Неаполь предстает в романе «Идиот» и городом мечты, воплощением мечты человека о прекрасной новой жизни. Что может быть выше такого впечатления и такой оценки?

Очевидно, что и дальнейшие размышления героя, об «огромной жизни в тюрьме», у Достоевского автобиографичны так же, как и воспоминания о Неаполе: не случайно, следующая история, которой поделится со своими слушателями князь Мышкин, — это воспоминания самого Достоевского о своем запредельном опыте переживания смертной казни. Эшафот, тюрьма, смерть — и введенное именно в этот контекст описание Неаполя как города мечты, как города «новой жизни».

Но как же обстояло дело с еще одной мечтой Достоевского об Италии: не только «увидим Неаполь, пройдемся по Риму», но и, «может быть, приласкаем молодую венецианку в гондоле»? Представление писателя об Италии как о стране любви было реализовано во время этого же, второго, заграничного путешествия 1863 г. — но реализовано оно было очень своеобразно.

Как известно, свое второе заграничное путешествие, в определенной его части, Достоевский проделал вместе с Аполлинарией Сусловой. В частности, с ней он был и в Италии.

В 1865 г., с трудом преодолевая свои мучительные отношения с Аполлинарией, Достоевский напишет известное письмо ее сестре Н. П. Сусловой, в котором будет объяснять причины разрыва. «Аполлинария — большая эгоистка. Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны, — пишет он. И далее: <...> Я многое бы мог написать про Рим, про наше житье с ней в Турине, в Неаполе, да зачем, к чему?» (28₂; 121).⁵

В свою очередь, Сулова в эти годы вела дневник, который позже составил основу подготовленной А. С. Долининым книги «Годы близости с Достоевским». Безусловно, к запискам Сусловой следует относиться крайне осторожно, тем не менее, определенную информацию здесь можно почерпнуть. Так, в дневнике есть достаточно обширная запись, фиксированная: «Рим. 29 сентября». «Я многое бы мог написать про Рим», — замечает Достоевский в письме к Надежде Сусловой. За него это делает Аполлинария: здесь она описывает свою ссору с Достоевским, которая длится несколько дней: «Федор Михайлович опять ко мне приставал. Он говорил, что я слишком серьезно и строго смотрю на вещи, которые того не стоят. <...> У него была мысль, что это каприз, желание помучить»⁷, и пр.

Эта запись отнесена к 29 сентября 1863 г.; в свою очередь упоминавшиеся выше два письма из Рима — Страхову и Исаеву — Достоевский напишет на следующий день, 30 сентября 1863 г. Все эти три документа объединяет тема Рима, но развивается она в них по-разному. В письме к Страхову — яркие эмоции эстетического восхищения и наслаждения: «Впечатление сильное <...> с холодом по спине». В письме к Паше Исаеву — уже сложнее. Здесь высказывание об «осмотре» римских достопримечательностей сочетается с мотивом тоски по родине и, возможно, тоски, связанной с тяжелыми впечатлениями от общения с Сусловой: «И хоть тут много развлечения, есть что видеть и осматривать, но очень хочется воротиться в Россию. Так что в иную минуту тяжело за границей» (28₂; 49). Наконец, в записи Сусловой также возникает мотив «осмотра» Рима Достоевским, но здесь он представлен совершенно иначе. Сулова, передавая те взаимные упреки, которыми они обмениваются с Достоевским во время

⁵ В ПСС: «Аполлинария — больная эгоистка» (чтение уточнено по автографу: Гос. архив Республики Крым. Ф. 536. I. 94). — Ред.

⁶ Сулова А. П. Годы близости с Достоевским: Дневник. Повесть. Письма. М., 1928 (репринт: М., 1991). Также см.: Сараскина Л. И. Возлюбленная Достоевского. Аполлинария Сулова: биография в документах, письмах, материалах. М., 1994.

⁷ Сулова А. П. Годы близости с Достоевским... С. 62.

итянувшейся ссоры, в этот контекст включает и следующее его высказывание: «Нехорошо мне, — сказал он серьезно и печально. — Я осматриваю все как будто по обязанности, как будто учу урок»⁸. «Учу урок» — вот так, в иные минуты пребывания в Риме, могли обернуться его воспоминания об изучении великой римской архитектуры в Инженерном училище.

Далее в записях Сусловой возникает и Неаполь: «На дороге, на корабле, в самом Неаполе мы встретили Г<ерцена> со всем семейством <...>. Федор Михайлович много говорил ему обо мне, и Г<ерцен> был внимателен. С молодым Г<ерценом> я тоже говорила <...>. Во время моего разговора с ним Федор Михайлович, когда я была одушевлена, прошел мимо и не остановился, я подозвала его, он обрадовался. Молодой Г<ерцен> сказал, что зимой будет в Париже и придет ко мне, спросил мой адрес <...>. Я дала Г<ерцену> адрес. Федор Михайлович провожал Г<ерцена> и был у них в гостинице. Возвратясь, он беспокойно сказал, чтобы я ему непременно написала, если у меня будет Г<ерцен>. Я обещала. Вообще, он ничего не говорил со мной о молодом Г<ерцене>, но когда я первая довольно легко заговорила, он продолжал и отзывался не совсем в его пользу. Еще он мне сказал, что у Г<ерцена> увидел мою карточку, которую я дала ему с моим адресом. На ней была записана Алек<сандром> фраза отца: «С одним рассудком люди не далеко бы ушли»⁹.

Вся эта «неполитанская» история — это описание открытого кокетства Сусловой с молодым Александром Герценом, которое разворачивается на глазах ревнующего и страдающего Достоевского. Поэтому вполне закономерной представляется следующая, последняя запись о Неаполе в дневнике Сусловой: «В день отъезда из Неаполя мы с Федором Михайловичем поссорились»¹⁰.

Таков еще один поворот темы двух городов в жизни Достоевского: Рим и Неаполь как места, знаменующие собой сильную и тяжелую страсть писателя к Аполлинару Сусловой.

И, наконец, тема творчества — тема, изначально заданная в первом письме Достоевского об Италии 1862 г. обращением к гоголевским текстам.

Именно проблемам творчества, творческого процесса посвящено, в своем основном содержании, то письмо к Страхову от 8 / 30 сентября 1863 г., которое написано в Риме. Описывая свои римские впечатления, Достоевский, тем не менее, подчеркивает при этом: «Пишу <...> не для излияния каких-нибудь вояжерских ощущений» (28₂; 49).

«Составился довольно счастливый (как сам сужу) план одного рассказа, — продолжает Достоевский. — <...> Сюжет рассказа следующий: один тип заграничного русского. Заметьте: о заграничных русских был большой вопрос летом в журналах. Все это отразится в моем рассказе. Да и вообще отразится вся современная минута (по возможности, разумеется) нашей внутренней жизни» (28₂; 50-51).

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 65.

¹⁰ Там же.

Именно в этом письме Страхову из Рима и содержится первое — и очень развернутое — упоминание о замысле романа «Игрок». Как когда-то Гоголь писал в Риме «Мертвые души», так теперь и Достоевский в Риме задумывает произведения о «современной минуте <...> внутренней жизни» России, о типах русского человека.

В частности, о женских типах. Общеизвестно, что прототипом образа Настасьи Филипповны была, в первую очередь, Аполлинария Сулова. И кто знает, насколько далеко или близко от истории с карточкой, которую Сулова подарила в Неаполе молодому Александру Герцену и на которой тот оставил очень неоднозначную запись «С одним рассудком люди не далеко бы ушли», — до знаменитых сцен романа «Идиот», посвященных фотографическому портрету Настасьи Филипповны: «Что это? — обратился генерал к Гане, который тем временем вынул из своего портфеля и подал ему фотографический портрет большого формата, — ба! Настасья Филипповна! Это сама, сама тебе прислала, сама? — оживленно и с большим любопытством спрашивал он Ганю» (8; 25-26).

И далее: «Удивительное лицо! — ответил князь, — и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных <...> Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!» (8; 31-32). Как для самого Достоевского Неаполь, представлявшийся городом мечты и прекрасной новой жизни, обернулся тяжелыми переживаниями «неаполитанской» истории с Суловой и молодым Герценом, так и для его героя князя Мышкина, рассказывавшего о Неаполе Епанчиным, ожидания новой жизни страшно закончились ночным бдением рядом с телом Настасьи Филипповны вместе с ее убийцей.

Думается, есть особая целостность во всех этих, казалось бы, разрозненных впечатлениях и сюжетах, связанных у Достоевского с Римом и Неаполем. Великие романы Достоевского зарождаются в Риме на фоне великих творений архитектуры, Собора св. Петра, Форума и Колизея, о них написано в одном и том же письме. Неаполь — город мечты, город, где «шум, гром, жизнь», оказывается соотнесенным с «роковой любовью» Достоевского, с теми поистине «итальянскими» страстями, которые определяли историю любви писателя и Аполлинарии Суловой.

Это позволяет продолжить то предположение о существующей в сознании Достоевского некоей внутренней рифме Рима и Неаполя, которое было высказано выше. Рим и Неаполь — два образа Италии в сознании и творчестве Достоевского, формирующие его целостное представление об Италии как о стране, в которой из «шума, грома», яркой и страстной современной жизни вырастают великие произведения европейской и мировой культуры и литературы.